
УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО. ЭТНОГРАФИЯ

Н. Басилашвили, М. Федотова
Мифологические рассказы

В отличие от больших жанров, жанры малые составляют основной репертуар современного фольклора. Их повсеместное продуктивное функционирование связано с особой жанровой спецификой. По сравнению со сказкой поверья, былички, бывальщины повествуют о достоверных событиях. Обычно их сюжет достаточно устойчив, его развертывание зависит от субъекта действия. По материалам записей, сделанных в 1988 г. в Белозерском крае, можно классифицировать сюжеты с субъектом действия: вольным, лешим, хозяином дома, бани, других построек, колдуном. Часто вместо реально действующей силы для ее обозначения употребляются безличные конструкции (его увел). Нечистая сила сохраняет многие из своих архаичных черт. Например, появление вольного сопровождается ветром, бурей, темнотой, а встреча с ним приносит болезни и смерть. Иногда с нечистой силой можно вступать в чисто человеческие отношения. Кроме того, с ее помощью возможно даже потенциально отыскать пропавшее живое существо (будь то скотина или человек). Но ни в одном случае потерявшийся не возвращается, потому что отыскивающий не способен преодолеть человеческой природы: в большинстве случаев ему необходимо взять в руки лежащую под копной змею — воглощение пропавшего. Внешний вид сверхъестественных существ самый абстрактный: вольный — с лес вышиной, весь в черном, с красным кушаком, у лешего может быть медный колпак на голове, а хозяин может предстать в виде черного барана. Признаком существа, обладающего нечеловеческими свойствами, часто служит очень красивое пение. Нечистая сила уводит людей, долго блуждает с ними, причем человек теряет полностью самостоятельность, а самих вожатых в это время может увидеть только колдун. Человек попадает под власть враждебных существ из-за проклятия — так проявляется магическая сила слова (закон сказано-сделано). В целом же, древнейшие представления о населяющей мир нечистой силе, более или менее враждебной человеку, при всей своей бытовизации, остаются практически неизменными. Мы постараемся привести здесь наиболее характерные мифологические рас-

сказы, бытовавшие на территории Белозерского края. Так, рассказывают следующее.

«Пугали лешим. Чтобы в лесу леший не унес, надо перед тем, как войти в лес, перекреститься и сказать: "Благослови, Господи!" [Почему леший уносит?] — Человек и сам грешен [т. е. без благословения], поэтому его и леший унесет. Лешего не видно. Когда он идет, только ветер за ним и деревья качаются». (Зап. от А. А. Головановой, 1930 г. р., с. Георгиевское.)

«В Шелохвосте мама жила на хуторе. Так, как вечер, — песнями запоет. Вечером хозяин леса поет, красиво, хорошо. А что поет — непонятно». (Зап. от Д. А. Николаевой, с. Георгиевское.)

«Вольный у ствола руку поставит: порох летит, а дробь ловит. Вольного только медью взять можно. Один мужик охотился: стрельнет, а попасть не может. Догадался, медью патрон зарядил. Выстрелил. «Что ты, — говорит, — мне наделал. Я бы тебе, — говорит, — дробь то бы отдал». Руку пробил. "Иди домой". И три раза стегнул, но не больно. Мужик пришел, на третий день с тоски умер. Свинец вольного не берет, а медь взяла». (Зап. от С. В. Евстафьевича, г. Шубать.)

«Вольный кого водил, а потом подкинул, дак те говорят: вроде и со знакомым человеком ходил, а на самом деле никого и не было». (Зап. от Н. Е. Павлова, 1925 г. р., г. Ключи.)

«К лешему, к черту если пошлешь, — он и подхватит. [Уведенный человек] ходит близко от дома — а не видно. Невидимый он. Может ен-то видит. А ему запрещено возвращаться. Только если найдут». (Зап. от А. Ф. Захарова, 1909 г. р., с. Иштомар.)

«В Кадуйском районе один мужик знался с вольным. В Зимнего Николу идет с мужиками. Те знали, что он с вольным знается. Говорят: "Покажи". "А вы не испугаетесь?" "Да потерпим как-нибудь". И он сказал что-то. Вольного они не видели. Но вдруг ветер [поднялся]. Пенья, кореня полетели, выворачивает. Мужики испугались: "Хватит, хватит, перестань, ради Бога". До войны это было». (Зап. от С. Ф. Капитонова, 1914 г. р., г. Ивановское.)

«У лесового семья есть. Кого пошлешь к лешему, к черту — там и остаются. Если вернется кто, расскажет — умрет». (Зап. от Р. А. Брызгаловой, 1930 г. р., с. Ванютино.)

[— А что про вольного рассказывают?] «Говорят, он с лес вышины. Вот одна старушка терялась. Ушла и нет — думали живой нету. Куды-то сходили, поделали, старушка нашлась. Рассказывала: "Мужчина эдакой высокий, весь в черном, в таком [длинном] пальте. Он ведет меня, а там валежины такие [большие] — он только перешагивает. А я есть хочу. [Сказала ему об этом.] Обернулся, вынимает из-под пазухи слипку хлеба: ешь, говорит, и пошли. Водил, водил, вывел на дорогу».

[— Он же сам и выводит?] Другой выводит. Много их там. (Зап. от А. И. Степановой, 1916 г. р., с. Георгиевское.)

«Есть хозяин, хозяйка и их дети. Я в Череповец на зиму поеду — все вымоешь, а приеду — грязно. А кто же мусорит?

Хозяин, если покажется, то большое горе будет». (Зап. от В. П. Ганичевой, 1931 г. р., с. Ивановское.)

«Не было бы хозяина — не было бы скота, скот бы не жил. Если мы умрем, — не будет хозяина». (Зап. от О. Ф. Романовой, 1927 г. р., с. Ванютино.)

«Пугали домовым. Если человек худенький или скотина худая, значит, домовой не любит, не по дому пришлось домовому. Когда в дом въезжаешь, нужно у домового разрешения спросить, тогда он будет охранять. Его рассердить можно, что-то не нравится, и тогда он может наколбасить — дом загорится, скотина погибнет. Домового не видят, он не показывается; а может показаться любым — кошкой, мышкой, любым зверем». (Зап. от А. А. Головановой, 1930 г. р., с. Георгиевское.)

«Раньше-то кони на дворе стояли. Вечером грива у лошади прямая; утром глядишь — грива в косу заплетена, так, что хоть стриги. А потом опять прямая. Кто-то ведь заплетал и расплетал. Любит лошадь хозяин и ухаживает». (Зап. от Е. И. Проничевой, 1913 г. р., г. Ивановское.)

«Бывает, ночевать приходится на чужом дворе, зайдешь в конюшню — сбруя с твоей лошади снята, лошадка блестит, грива заплетена. Это хозяин сделал. Ему своя лошадь не нравится, а чужая понравилась.

Или в кормушку каждый положит своей лошади, а зайдут потом — у всех вытащено и той лошадке, которая полюбилась, положено. Это тоже хозяина работа». (Зап. от Н. Ф. Павлова, 1929 г. р., г. Ключи.)

«Если плохой человек умер (пил, гулял при жизни), то будет ночью приходить. А если хороший человек умер, то и не стукнет и не брякнет нигде». (Зап. от А. Павловой, 1922 г. р., г. Георгиевское.)

«Иногда лошадь с покойником плохо идет, еле-еле, а другая — легко, прискакивает. Это она покойнику, значит, понравилась [а та не понравилась]. Вот если, например, я умру, и лошадь легко поведет меня — значит, по мне это». (Зап. от А. Ф. Захаровой, 1909 г. р., г. Иштомар.)

«Дед когда умер. В 12 часов против сорочин прилетел соловей и как пел — зареветь можно — так пел». (Зап. от А. И. Степановой, 1916 г. р., с. Георгиевское.)

«В 12 часов [и позже] нельзя в баню ходить. Пойдешь — наткнешься на хозяина, не вымоешься. Мама-покойница рассказывала: я, говорит, истопила баню, вымылась с отцом, ребятишек вымыла. А зять приехал — поздно уже. Только подошел к бане, а там веником нахлестывается [кто-то], только шум идет. Испугался, говорит, лучше утром вымоюсь». (Зап. от О. Ф. Романовой, 1927 г. р., с. Ванютино.)

«Мама рассказывала: пришел как-то утром в дом дедушка. "У вас, говорит, в деревне роженица-то есть?" "Есть". А раньше рожали в

байне, роженица в байне живет, пока не поправится. "Так сходи, снеси чего-нибудь". Раньше все носить что-нибудь должны были. "Да ведь нет ничего". "А ты посмотри. Не бойся, я здесь посижу, ничего у тебя не возьму. Сходи в амбар, покаша в сусеках": пошла, наскребла ведро муки, напекла оладушков. "Иди, сходи в байну, ничего не бойся, а я здесь посижу". Пошла. А в двух байнах роженицы были. Заходит в одну байну. Видит роженица лежит, один ребенок — в корыте, в воде, на другом — веревка лежит, третий — на пистолете. Зашла во вторую байну. Просто настоящий ребенок. Пришла домой. "Ну, как видела? Не испугалась?" "Видела, ты говорил, не бояться. Так и не боялась". "Вот это каждому своя смерть на роду. Тот, что настоящий, — своей смертью умрет. Тот, что в корыте, — от воды, утопнет, другой удавится, а третьего убьет". Вот это банный и был». (Зап. от К. И. Михеевой, 1927 г. р., г. Пяшницы.)

«В озере русалки живут. Они выходят на камень и расчесывают волосы. У русалки рыбий хвост и длинные волосы.

В озере нельзя купаться ночью, а то русалка утащит и утопит. В озере и водяной живет. Но русалок боялись больше». (Зап. от А. А. Головановой, 1930 г. р., с. Георгиевское.)

«В подполье живет лизун [в детстве пугали им]. В бане — баенник. Нам говорили, чтобы не ходили в третий жар*. Черти, вольные водятся в лесу. Черти с рогами. Пугали покойником». [Покойника представляли в белом.] (Зап. от Е. Д. Мокиной, 1930 г. р., с. Георгиевское.)

«Все ругаются: "Неси тебя, черт!" На тот след ступишь, он и подхватит». (Зап. от О. Ф. Романовой, 1927 г. р., с. Ванютино.)

«В ад попадешь — букарака [змея] будет точить, большущая». (Зап. от Н. К. Фроловой, 1910 г. р., с. Георгиевское.)

«Колдуны были. Колдуны — простые люди. У колдуна душа терзается, он слово знает, поэтому ему навредить надо. Колдуны свадьбу портили. У моей матери наколдовали, так в тарантасе ось лопнула, когда через реку переезжали. Но колдуны могут и хорошее сделать. Один мужчина, отец невесты, обошел на свадьбе лошадей 3 раза. А в другой деревне колдун хотел наколдовать, свадьбу испортить, вышел на улицу, посмотрел на свадьбу и говорит, что ничего уже сделать нельзя». (Зап. от А. А. Головановой, 1930 г. р., с. Георгиевское.)

«Колдуны порчи всякие пускали в нутро и по-всякому. Кто лягушку выблюет, кто ящерицу.

У нас у одной женщины было. Болела, а работать надо. Рвота у нее случилась — там лягушка выскочила, вся в крови, и побежала к

* Третий заход.

лесу. А женщине сразу полегчало. [Думала, задавит ее этим.] Не дай, Бог, так никому.

А бывает, колдун придет на свадьбу, у двери стоит — наделает обоим». (Зап. от Е. В. Михайловой, 70 лет, г. Аницино.)

«Свадебная порча. Жених с невестой едут. [Недобрые люди] горошину найдут [чтобы в стручке было девять горошин] и кинут в сани со словами:

Сто пудов веса,
Жених и невеста,
Сани, ни с места.

И кони неайдут». (Зап. от М. Д. Евгеньева (Чекалева), 1911 г. р., с. Георгиевское.)

«Как-то заблудилась — напутала в поле. Раньше вольный водил — теперь не водит. Дуня, сестра, заболела раком, а потом гриппом, сказали: ищите человека, который с вольным знается. Поехали к нему за реку, в ноги поклонились. Тот пришел, говорит: «Ничего сделать не могу, у вас в дому в четырех углах порча положена». Потом Ганя (муж) умер, а она помешалась. Увезли ее в Вологду, а дом продали. А как стали хоромы разбирать, то увидели, что лежат четыре щуки, в газету завернуты, меж хлева и меж двора. Засохли уже. Кто-то порчу напустил». (Зап. от А. Т. Богдановой, 1914 г. р., г. Ивановское.)

«Если посмотреть злым взглядом, то худо будет. Килы и чири — разные вещи. Килы не заживают несколько лет. Передают заговоры по-родственному. Знающий должен передать все, иначе он очень тяжело умирает. Если он никому не передает свои знания, он плюет на стенку.

К ней [колдунье] приходят с болезнью. Она выходит в определенный час (на заре, на закате, на перекресток в определенном месте, в 12 часов) и общается с лешим и вольным. У нее [колдуньи] должны быть хорошие зубы, она должна хорошо слышать, видеть. Сама себе не может сделать». (Зап. от М. И. Нефедовой, 1909 г. р., г. Бокренево.)

«Лошадь потерялась у мамаши, ушла. Пошла она к колдуну: «Лошадь, — говорит, — ушла, помоги». А колдун ей говорит: «Ваша лошадь жива. Иди дорогой и не отворачивай». А она пошла и отвернула, и увидела — человек в вострой шапке на ее лошади, как засвистит, и только хвост мелькнул.

А если бы она не отвернула, то нашла бы лошадь-то. (Зап. от Е. В. Михайловой, 70 лет, г. Аницино.)

«На Новом Погосте. Давно это было. Потеряла баба ребенка. Пошла к знатоку. Он ей сказал: увидишь — лежит змея на копне. Ты ее бери. Она и пошла. Видит — змея. Где ж ее взять? Она и не взяла. А если бы взяла, взяла бы не ее, а его [ребенка]. А он-то заплакал, она чула [слышала]. [А уже не поправить было.] Еще ходила — так

больше не показалась змея ей». (*Зап. от А. Ф. Захаровой, 1909 г. р., с. Иштомар.*)

«Вот по Белозерскому тракту в Череповец первый только перелесок проедете, так тут была раньше сторожка. Жили муж с женой, девочка.

Пришел старичок, посидел да говорит: "Девочка-то у вас хорошая, но она, — говорит, — семи годов в колодце потонет". И сказал в каком месяцу и какого числа. Ей семь годов исполнилось, а уж родители ждут этот день. А колодец вот у окна был. Грит, заколотили колодец [а она гуляет]. Сами сидим у стола, смотрим в окно [она все гуляет]. Подошла к колодцу, крышку подергала — край приколочен, другой приколочен — легла на крышку и тут померла». (*Зап. от Н. А. Волковой, 1906 г. р., п. Лаврово.*)

Завершая наш рассказ о быличках и бывальщинах Белозерья, отметим, что в последние годы интерес к так называемой несказочной прозе заметно возрос. Все большее внимание ученых привлекают рассказы о встречах человека со всевозможными сверхъестественными существами — домовыми, банниками, кикиморами, лешими, водяными, русалками и т. д. Приведенный выше белозерский материал является частью общесеверорусской несказочной прозы, и частью достаточно интересной, свидетельствующей о сохранении в глубинах народной памяти образов древней славянской мифологии, сложение которых уходит в седую многотысячелетнюю древность.